

ОТГОЛОСОК
ОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СКАНДАЛА
В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

В одной из своих работ Г. М. Фридендер говорил «о необходимости „медленного“, вдумчивого, углубленного изучения русской журналистики 40—70-х гг. XIX в. для лучшего понимания полемического смысла многих страниц романов Достоевского».¹ Большая и трудоемкая работа по выявлению «полемического ряда» в романах и повестях писателя была проделана как комментаторами его Полного собрания сочинений, так и авторами многочисленных статей и заметок, большая часть которых была опубликована в «спутниках» указанного издания — сборниках «Достоевский. Материалы и исследования». Но все же работу эту нельзя (да, очевидно, и никогда нельзя будет) признать завершённой. Творчество Достоевского всегда провоцировало исследователей на разного рода гипотезы, догадки и сопоставления. Одну из гипотез хотим предложить и мы.

В ряду «идеологических романов» (выражение Б. М. Энгельгардта) Достоевского «Записки из Мертвого дома» стоят особняком. По жанру близкая к очеркам,² повествующая о событиях десятилетней давности, исключительно высоко оцененная читателями и критиками, эта книга, казалось бы, хотя бы в силу самой своей тематики не должна была содержать никаких сиюминутных полемических намеков и следов журнальных баталий. Но тем не менее, как нам кажется, в одном эпизоде «Записок...» виден след полемики, который вел в 1861 году журнал братьев Достоевских «Время» с журналом М. Н. Каткова «Русский вестник».

¹ Фридендер Г. М. Достоевский: Об итогах и перспективах изучения: (Вместо предисловия) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 37.

² О жанровой природе «Записок из Мертвого дома» см.: Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854—1862. Л., 1980. С. 73—83 (здесь же обзор существующих мнений); Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л., 1985. С. 174—185.

Напомним в общих чертах житейскую ситуацию Достоевского и его литературные отношения в тот период, когда создавались «Записки...», вернее, интересующий нас фрагмент.

В сентябре 1860 года во многих периодических изданиях появилось объявление о подписке на новый журнал «Время». Оно было подписано: «Редактор М. Достоевский», но написано было его братом.³ Это объявление имело характер развернутой программы зарождающегося издания, и в частности, в нем провозглашалась его полемическая направленность: «Мы не уклонимся и от полемики. Мы не побоимся иногда немного и „пораздразнить“ литературных гусей; гусиный крик иногда полезен: он предвещает погоду, хотя и не всегда спасает Капитолий» (Д., 18, 39). Слова эти были замечены и прокомментированы в журнальных кругах.⁴

С 1861 года реформируется и «Русский вестник». Постоянный раздел «Современная летопись» становится самостоятельным изданием; его сменяет раздел «Литературное обозрение и заметки». В программной статье, открывающей этот новый раздел и определяющей его полемические задачи, Катков писал: «Мы не откажемся также от своей доли полицейских обязанностей в литературе — и постараемся помогать добрым людям в изловлении беспутных бродяг и воришек...».⁵ И это заявление не осталось без внимания в периодике того времени.

Журнальные бойцы были готовы к сражению, и оно не заставило себя долго ждать. Началом его послужила статья Каткова «Наш язык и что такое свистуны»;⁶ постепенно затихая, сражение это продолжалось вплоть до прекращения журнала «Эпоха», духовного наследника запрещенного в мае 1863 года «Времени». Нас интересует следующий его эпизод.

В апрельском номере «Времени» был помещен анонимный фельетон «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов».⁷ Автором его был поэт П. А. Кусков, последователь и проповедник «эстетического» направления в поэзии, по словам одного из посетителей редакционного кружка «Времени» (Н. Ф. Бунакова), «невзрачный молодой человек», который «го-

³ Как вспоминал позднее Н. Н. Страхов, «это объявление несомненно писано Федором Михайловичем» и «представляет изложение самых важных пунктов его тогдашнего образа мыслей» (цит. по: Д., 18, 229).

⁴ См.: Д., 18, 233—235 (примеч. В. А. Туниманова).

⁵ Несколько слов вместо Современной летописи // Русский вестник. 1861. № 1. Лит. обозрение и заметки. С. 483—484.

⁶ Русский вестник. 1861. № 3. См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 313.

⁷ Время. 1861. № 4. Фельетон. С. 131—148; цензурное разрешение номера — 19 апреля, выход в свет — 26 апреля (см.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975. С. 236).

рячее других оспаривал мнение большинства».⁸ В тогдашнем литературном мире к нему относились с иронией; он не пользовался большим уважением и служил постоянной мишенью для насмешек, объектом пародий и персонажем карикатур.⁹ Названный фельетон был его первым крупным выступлением в журнале Достоевских; до этого он опубликовал там лишь несколько небольших стихотворений.

В фельетоне Кускова не было сквозной, доминирующей темы; он не имел никакой полемической направленности, а в литературном плане представлял собой типичный «отрывок, взгляд и нечто». Обратим внимание на тот его фрагмент, где автор описывает свою встречу с закоренелым преступником, убийцей, повинным в смерти двадцати трех человек. После того, как тот отказывается показать место, где зарыл одну из своих жертв, полицейские чины продолжали допрос:

«— За что ты убил этого? — спросили они.

— А за то, что мне водки хотелось, а денег не было.

— Сколько же ты нашел у него?

— Четвертак.

— И стоило из-за четвертака убивать человека!

Преступник посмотрел на них с удивлением: „Всё равно, — сказал он, — что из-за четвертака, что из-за тысячи”».

И ниже Кусков так размышляет о приведенном диалоге: «У этого человека было больше смысла, чем у тех, кто его допрашивал. Им всё хотелось благодушно снизить до его грубого понимания, и он постоянно оказывался выше них, и вместо того, чтобы им завладеть его душою, он всё больше и больше приобретал над ними власти, и они поминутно чувствовали себя перед ним школьниками. Его грубая откровенность поминутно уничтожала их, потому что в ней всё больше и больше, всё страшнее и неотразимее восставал его человеческий образ, тогда как у них всё пугливее и пугливее, всё мельче и всё ничтожнее пряталась их душа под грудю страниц, вырванных из разных когда-то прочитанных книг, под грудю правил, пестрящих наши прописи и азбуки» (цит. по: Д., 19, 144).

Фельетон Кускова не был оставлен без внимания в Москве, и уже в майском номере «Русского вестника» Катков ответил на него фельетоном «Одного поля ягоды»,¹⁰ где сравнил позицию «Време-

⁸ Цит. по: Орнатская Т. И. Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860—1865 гг.) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 254.

⁹ См.: Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л., 1960. С. 565—568, 801—802.

¹⁰ Русский вестник. 1861. № 5. Лит. обозрение и заметки. С. 1—26. Фельетон не подписан, но то, что его автор именно Катков, сомнения почти не вызывает (по крайней мере так считают большинство исследователей).

ни» с позицией редактора журнала «Домашняя беседа», обскуранта В. И. Аскоченского. При этом Катков счел, что автором «Некоторых размышлений по поводу некоторых вопросов» был сам Достоевский, и все свои этические претензии адресовал именно ему: намеки на это были понятны любому внимательному читателю. Особый же гнев московского публициста вызвал именно эпизод с преступником и размышления по поводу его поступка с четвертаком. «Эстетически таять и нравственно млеть перед диким душегубом, — писал Катков, — видеть в нем какой-то колоссальный человеческий образ, подавляющий собою прочих мелких людишек, из которых ни один никого еще не зарезал и которые осмелились подивиться, как это чудовище решилось из-за шкалика водки на свое страшное дело, — скажите, какое должно быть перо, способное написать это! (...) тут нет никакого нравственного смысла. Фельетонист не выражал никакого действительного настроения своей души; все заставляет думать, что он не способен к каким-нибудь *действительным* настроениям; он живет в стихии фраз, образующей свой собственный мир, в котором возникают призрачные подобию настроений и мыслей. Эти фальшивые подобию могут развиваться и сочетаться в разнообразнейших комбинациях, составлять из себя поэмы, критические статьи, целые книги. Процесс и элементы этих развитий те же самые, какие Гоголь типически изобразил нам в Иване Александровиче Хлестакове. Точно так писал он к своему другу, фельетонисту Тряпичкину...».

Далее Катков снова возвращается к образу душегуба, негодуя по поводу интерпретации его поступка журналистом «Времени»: «Посмотрите, как он адвокатствует за этот великий человеческий образ! Посмотрите, какую позу принимает Тряпичкин перед обыкновенными смертными, которые подивились, как можно было зарезать человека из-за четвертака! (...) Эта „непоколебимая и мощная натура“ захотела выпить водки, и вот она спокойно режет человека и берет из его кошелька четвертак, как будто ничего легче и проще этого не было. Перед этим бессмысленным, тупым, отвратительным зверством наш фельетонист преклоняет колени. Об этом-то говорит он тоном даже какого-то нравственного убеждения, какой-то гуманности, которая тем отвратительнее, чем более жеманится».

Заканчивается фельетон следующими словами: «Между Хлестаковыми есть еще порода таких, которые зовут себя демоническими натурами. Таких молодцов действительно нельзя не побаиваться. Зарезать они не зарежут, но не кладите вашего четвертака плохо».¹¹

¹¹ Русский вестник. 1861. № 5. Лит. обозрение и заметки. С. 24—26; ср.: Д., 19, 145—146.

И сам фельетон, и особенно его последняя фраза вызвали в журнальном мире настоящий скандал. На столь грубую выходку анонимного московского фельетониста обратили внимание многие периодические издания, причем даже те, которых, казалось бы, печатная междоусобица «Русского вестника» и «Времени» интересовать не могла.

«В ряду литературных явлений последнего времени замечательна статья, напечатанная в последней книжке „Русского вестника“ под заглавием „Одного поля ягоды“, — писал анонимный обозреватель журнала «Светоч», благожелательно настроенный как по отношению к журналу Каткова, так и к журналу братьев Достоевских. — Странное дело: в самых, по-видимому, добросовестных наших журналах встречаются нередко выходки грубые и дикие, порождаемые одним самолюбием и непростительной щекотливостью. (...) Мы не будем разбирать, насколько в диатрибе фельетониста „Времени“, восторгающегося каким-то убийцей, есть хлестаковщины, согласимся даже, что это в самом деле выходка неловкая; но можно ли из-за этого ставить порядочный журнал подле, с позволения сказать, „Домашней беседы“! Отчего же, скажите, „Русский вестник“, более других наших журналов говоривший о литературном такте и приличии, взывавший об уважении к литераторам и публике и в самом деле напечатавший несколько статей, замечательных в этом отношении, вышел из своей роли и с тона джентльмена спустился на грязные выходки? Неужели потому только, что во „Времени“ напечатаны были против него две-три страницы, положим резкие, но не оскорбительные, самый солидный журнал наш забылся до неприличия, намекая на какие-то четвертаки, и решился тем самым показать публике, что сам он одного поля ягода с „Домашней беседой“. Какое грустное явление в литературе (...)!».¹²

Анонимный обозреватель «Иллюстрации» тоже обратил внимание на полемические приемы Каткова, а об интересующей нас заметке писал, что она «силилась доказать, что так называемые прогрессисты в литературе точно такие же витязи мракобесия, как известный редактор убогой газетки, Виктор Ипатьевич Аскоченский... Доводы для доказательства сей гипотезы „Русск(ого) вестника“ были приведены сильные, диалектические тонкости и хитросплетенные словоизлияния рассыпаны щедро...».¹³

Откликнулся на выходку Каткова и Д. Д. Минаев. Прочитовав в своем ежемесячном сатирическом обзоре «Дневник

¹² *(Без подписи)*. Петербургская летопись. «Русский вестник» на пути скандала // Светоч. 1861. Кн. 7. Современное обозрение. С. 70—71.

¹³ Иллюстрация. 1861. № 192. 26 окт. С. 270.

Темного человека» заключительные слова фельетона «Русского вестника», он вопрошал: «Что это такое? Ясно, что личность. Иначе нельзя и понять такую фразу: кто-то в московской редакции и, вероятно, из сотрудников похитил с конторки четвертак, а она, благо есть случай, взяла да и гласности предала такой поступок, действительно гадкий. По весьма остроумному замечанию одного петербургского журнала, в „Русском вестнике“ не в первый раз такие случаи.¹⁴ Прошлый год она жаловалась на то, что у нее книгу какую-то похитили, а теперь вот и с четвертаком та же история... Но ведь это все домашние дела. Вольно же иметь сотрудников такой плохой нравственности!.. Зачем же тут литературу-то примешивать, ее катаклизм предсказывать? Положим, украденный четвертак, действительно, жалко: все-таки деньги, но к чему же при этом восклицать: „Вот наша литература, наша критика, наши фельетоны!..“ <...> Вы в полиции об этом объявите, в полицейских ведомостях напечатайте, а литературу оставьте в покое».¹⁵

Далее следует высмеивающее Каткова стихотворение, а заканчивает Минаев эту тему следующими словами: «Вот такие-то домашние дразги и мелкие сплетни вносит в литературу журнал, который в то же время сам громко вопиет против хлестаковства, в ней распространившегося. Как это понять?.. Да, точно

Есть многое в редакциях московских,
Чего не объяснить всем нашим мудрецам...».¹⁶

Нашел этот эпизод отражение также у Д. И. Писарева. В статье «Схоластика XIX века»,¹⁷ говоря о «Русском вестнике» и «Отечественных записках», критик писал, что они «чистотою литературных нравов не отличаются. Об „Русском вестнике“ довольно будет заметить, что он не уважает умственной самостоятельности своих сотрудников <...>, попрекает г. Чернышевского саратовскою семинариєю и даже пишет о том, что у него крадут книги и четвертаки».¹⁸

Вспоминали про историю с четвертаком и в последующие годы. Так, М. А. Антонович в обзорной статье «Литературный

¹⁴ Имеется в виду фельетон Достоевского «Литературная истерика» (о нем см. ниже). О «похищенной книге» см.: Д., 19, 311 (примеч. А. И. Батюто).

¹⁵ Русское слово. 1861. № 8. Смесь. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Русское слово. 1861. № 9; в этом номере была опубликована вторая часть статьи, содержащая интересующий нас фрагмент.

¹⁸ Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2000. Т. 2. С. 286. Подробно фельетон «Одного поля ягоды» Писарев разобрал в статье «Московские мыслители: (Критический отдел «Русского вестника» за 1861 год)» (Русское слово. 1862. № 2; Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. С. 43—48).

кризис», опубликованной в первом после его приостановки номере журнала «Современник» (1863. № 1—2), писал о противниках нигилизма: «Они поддавливают разные неблагоприятные факты, совершающиеся в практической жизни, и взваливают их на нигилизм теоретический, на базаровщину как на литературное направление, которое может быть совершенно неповинно в этих фактах и не должно нести ответственности за них (...). Известно, например, что кто-то из участников „Русского вестника“, как объявлял он сам, похитил из редакции четвертак и зажилил какое-то сочинение о Венгрии; обвинять за эти действия направление „Русского вестника“, говорить, что оно ведет к хищению и зажиливанию, — было бы в высшей степени нелепо».¹⁹

Спустя почти четыре года о четвертаке вспомнил и Василий Курочкин в стихотворении «Предвещения на новый год» (Искра. 1864. № 50):

Исчезнут сонмы фарисеев,
На карте същется Тамбов,
Аксаков обоймет евреев,
Свой четвертак найдет Катков.²⁰

Намек на эту историю содержался и в предназначавшейся для журнала «Будильник», но запрещенной цензурой драматической пародии «Не люблю не слушай, а врать не мешай» (1868), направленной против нигилистов. В ней один из персонажей, надворный советник, спрашивает свою дочь-нигилистку: «Скажи мне, голубушка, кто бы это украл четвертак из гостиной... быть может, учитель Мошенников ошибкой завладел...».²¹

В том же году в «Искре» среди экспонатов карикатурной «выставки редкостей и предметов, наиболее заслуживающих внимания каждого русского, незараженного идеями гнилого Запада», между «перьями, которыми однажды намеревался писать Карамзин, но не писал по причинам, доселе еще неразъясненным» и «чернильницей, которую однажды чуть-чуть не купил Батюшков», был помещен и «четвертак, некогда пропавший из редакции „Русск(ого) Вестника“, но ныне мерами полиции отысканный».²²

¹⁹ Антонович М. А. Литературно-критические статьи / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. Г. Е. Тмарченко. М.; Л., 1961. С. 111—112.

²⁰ Курочкин В. С. Собр. стихотворений / Вступ. ст., ред., примеч. И. Г. Ямпольского. [Л.], 1947. С. 189. (Б-ка поэта. Большая серия).

²¹ Цит. по: Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973. С. 151.

²² Искра. 1868. № 10. 17 марта. С. 125.

Как видим, скандал был настолько громким, что его эхо прокатывалось по страницам журналов еще несколько лет. Поэтому нет никакого сомнения, что в момент своего появления фельетон Каткова не мог не вызвать у Достоевского крайнего раздражения. Если в предыдущих его полемических статьях, направленных против «Русского вестника», мы видим снисходительную иронию, то в ответе на эту катковскую выходку тон писателя меняется. В седьмом номере «Времени» он помещает заметку «Литературная истерика», где практически полностью перепечатывает фельетон Каткова, и, подчеркнув его заключительную фразу, в которой и возникает четвертак, комментирует ее так: «Что же касается до заключительных слов его статьи, в которых он говорит о демонических натурах и о пропавшем четвертаке, то мы не понимаем, как человек, себя уважающий, может всенародно решаться на такую площадную пошлость. Но припоминаем, что „Русский вестник“ решается на это не в первый раз: когда-то он подобным же образом извещал публику о пропавшей с чьего-то стола книге, по поводу отпадения от журнала одного из его прежних сотрудников» (Д., 19, 146).²³

Далее в журнале следовало «Письмо П. А. Кускова к „Русскому вестнику“», где он в весьма ерническом тоне отводил предъявляемые ему обвинения и защищал свою позицию.²⁴ Этот тоже упрекал московский журнал в пренебрежении элементарными нормами приличия, а также, в частности, и в том, что анонимный фельетонист приписывает ему такие суждения, которых он не высказывал. «Может быть, в том, что я сказал (...) о разбойнике, что-нибудь и не так, и неловко выражено, непонятно сказано, — писал Кусков, — но навязать мне то, что вам хочется, — вам не удастся».²⁵

Это была последняя публикация незадачливого фельетониста во «Времени»; в «Эпохе» он не принимал участия вовсе. И мы думаем, дело здесь не только в том, что к нему отрицательно относился А. А. Григорьев, ведущий сотрудник изданий

²³ Позднее про историю с четвертаком Достоевский напомнил в статье «Щекотливый вопрос» (Время. 1862. № 10; см.: Д., 20, 38 и 47). Возможно, этот эпизод нашел отражение и в «Преступлении и наказании» (см.: Д., 6, 79).

²⁴ Не исключено, что Кусков был вынужден признаться в своем авторстве под давлением редакции «Времени»; этот факт позднее язвительно прокомментировался на страницах враждебных журналу Достоевских «Отечественных записок»: «...редакция „Времени“ с жестокостью диких выдала сотрудника, написавшего статью против „Русского вестника“, именно г. Кускова. Все поняли, по крайней мере, какой образ полемике приличен со „Временем“» (*Без подписи*). Курьезы. II: Как отыскивается «направление» для журнала? // Отечественные записки. 1865. Т. 158. Паг. 2-я. С. 160).

²⁵ Время. 1861. № 7. Смесь. С. 60.

братьев Достоевских.²⁶ Вероятно, эта история крепко поссорила Кускова с Достоевским, и после нее их журнальные пути разошлись в разные стороны.²⁷

Достоевского в фельетоне «Русского вестника» могло обидеть многое: и то, что ему попытались приписать мнения, с которыми он мог быть не согласен,²⁸ и то, что Катков пытался проповедывать ему свои понятия о нравственности в литературе и в жизни. О том, что полемика с катковским журналом занимала важное место в мыслях Достоевского, свидетельствует следующий факт: писатель особо упомянул о ней в письме к Я. П. Полонскому от 31 июля 1861 года (т. е. на следующий день после выхода в свет номера «Времени» с «Литературной истерикой» и письмом Кускова), как бы рекомендуя адресату ознакомиться с ней: «С „Русским вестником” у нас продолжается баталия. Много бы можно рассказать, да уж лучше сами прочтете» (Д., 28₂, 20).

Но, как представляется, наибольшее несогласие у Достоевского могла вызвать прямолинейность этических оценок Каткова. Недавний каторжанин, он лучше других знал, что «во всяком человеке гораздо более добра, чем снаружи кажется» (Д., 3, 163), и главное — разглядеть это добро, помочь проявиться ему, вывести его на свет. «...В каторге, между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей, — писал он брату в первом же письме после освобождения. — Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото» (Д., 28₁, 172). Автор этих слов вряд ли мог пройти равнодушно мимо строк Каткова, где тот называет убийцу «возмутительным душегубом, за которым

²⁶ См.: Д., 19, 349 (примеч. В. А. Туниманова); Туниманов В. А. Платон Александрович Кусков // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 245.

²⁷ Очевидно, не последнюю роль в этом сыграло и резко отрицательное отношение к творчеству Кускова тогдашних журналов. Так, один из рецензентов, утверждая, что «Время» «литературным отделом (...) поспорит даже с кем угодно, не уступит, пожалуй, и „Современнику”», продолжал: «И если бы еще при этом „Время” наравне с прекрасными стихотворениями гг. Мея и Майкова (...) не помещало поэзии мух бездарного г. Кускова, терзающей своими мотивами каждого хуже всяких насекомых, если бы оно уволило читателей и от прозы этого знаменитого в своем роде писателя — поэта-прозаика и предоставило бы всю его кутерьму только ему одному или немногим подобным ему, кому он сочувствует, — оно оказало бы еще новую услугу, сделало бы еще шаг на пути своего усовершенствования» («Без подписи»). Листок // Сын отечества. 1861. № 25. 18 июня. С. 730). Возможно, впрочем, что этот выпад — простое сведение каких-то личных счетов редакции «Сына отечества» с Кусковым (напомним, что в конце 1850-х гг. поэт сотрудничал в этом журнале).

²⁸ Позднее, уже в период «Эпохи», он писал, что «с образом мыслей» Кускова его журнал «вполне несогласен» (Д., 20, 135).

отказывается следить всякое человеческое чувство», «зверем», «чудовищем». Он не понимает, почему этот убийца не может представлять «могучим человеческим образом, обаятельным и чарующим...» (цит. по: Д., 19, 145).

Но на мировоззренческом уровне полемику с редактором «Русского вестника» Достоевский продолжать не мог, да и не считал нужным. Свое несогласие с ним писатель выразил в художественном произведении, над которым тогда работал, — в «Записках из Мертвого дома», а именно, в седьмой главе первой части.

Глава эта появилась на свет в октябрьском номере «Времени», т. е. через два месяца после публикации «Литературной истерики». Можно предположить, что Достоевский создавал ее почти одновременно с «Литературной истерикой». Напомним, что в ней писатель выводит на сцену «самого решительного, самого бесстрашного из всех каторжных» (Д., 4, 84) — убийцу Петрова.

Рассказчик, от имени которого ведется повествование, говорит о Петрове так: «Страсти в нем таились, и даже сильные, жгучие; но горячие угли были постоянно посыпаны золою и тле-ли тихо. (...) Над такими людьми, как Петров, рассудок властвует только до тех пор, покамест они чего не захотят. Тут уж на всей земле нет препятствия их желанию» (Д., 4, 84—85). Затем рассказывается, как иногда проявлялась эта черта его характера:

«Дивился я на него тоже, когда он, несмотря на видимую ко мне привязанность, обкрадывал меня. Находило на него это как-то полосами. Это он украл у меня Библию, которую я ему дал только донести из одного места в другое. Дорога была в несколько шагов, но он успел найти по дороге покупщика, продал ее и тотчас же пропил деньги. Верно, уж очень ему пить захотелось, а уж что очень захотелось, то *должно* быть исполнено». И далее следует фраза, выглядящая как продолжение прямой полемики с Катковым: «*Вот такой-то* и режет человека за *четвертак*, чтоб за *этот четвертак выпить косушку*, хотя в другое время пропустит мимо с сотнею тысяч» (Д., 4, 86; курсив мой. — А. Б.).

Мы не склонны думать, что последняя фраза — это осознанный полемический выпад в сторону Каткова. Вряд ли Достоевский мог рассчитывать, что либо сам редактор «Русского вестника», либо кто-то из читателей, пусть даже внимательно следивших за журнальными боями, обратит на нее внимание и соотнесет со скандальными фельетонами. Конечно, нет. Видимо, работая над интересующей нас главой «Записок...», писатель мысленно спорил с Катковым, и фрагмент этого спора случайно выплеснулся на ее страницы.

Так это или нет — в любом случае рассказанная здесь история еще раз подтверждает тезис, что текущая журнальная борьба часто находила отражение в художественном творчестве Достоевского, причем иногда там, где этого меньше всего можно было бы ожидать.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

PRO MEMORIA

Памяти
академика ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА
ФРИДЛЕНДЕРА
(1915–1995)

Санкт-Петербург
«Наука»
2003